
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Санкт-петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-IV

90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна посвящается

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
1998

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97—04—16171)*

Mongolica-IV: Сб. ст. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1998. — 112 с.

Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения Ц. Дамдинсурэна, выдающегося монгольского ученого, филолога, писателя, переводчика, представляет собой продолжение серии, предыдущие выпуски которой были посвящены Б. Я. Владимирцову (вып. I), «Сокровенному сказанию» (вып. II), архивам русских монголоведов (вып. III).

В сборнике представлены статьи специалистов-монголоведов из различных востоковедных центров, и прежде всего — Санкт-Петербурга, с которыми была тесно связана личная жизнь и научное творчество Ц. Дамдинсурэна.

Статьи сборника находятся в русле научных интересов Ц. Дамдинсурэна: это тибето-монгольские литературные традиции, взаимодействие и взаимовлияние литератур, история литературы, теория перевода.

Mongolica-IV presents a collection of scholarly articles dedicated to the ninetieth anniversary of the birth of Ts. Damdinsuren, an outstanding Mongolian scholar who made contributions as a philologist, writer, poet, and translator. The current issue continues a series in which previous issues were dedicated to B. Ia. Vladimirtsov (Vol. I), «Sacred Tales» (Vol. II), the archives of Russian Mongolian studies scholars (Vol. III).

The articles were written by specialists in Mongolian studies from various centers of oriental studies, including Buriatia and Kalmykia. The bulk of the contributors hail from Saint-Petersburg, a city closely connected with Ts. Damdinsuren's personal life and scholarly work.

The articles develop themes which formed the core of Ts. Damdinsuren's scholarly interests: Tibetan-Mongolian literary traditions, the interaction of literatures and processes of mutual influence, the history of literature, and translation theory.

Издательство «Петербургское Востоковедение»
ЛР № 065555 от 05.12.1997
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Набор — *Т. В. Чудинова*
Редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*
Корректоры — *Т. Г. Бугакова, Н. В. Пивоваренок*

Подписано в печать 31.07.1998. Печать офсетная. Бумага офсетная
Формат 60x90 1/8. Гарнитура «Таймс». Объем 14 п. л.
Заказ №

ОТПЕЧАТАНО В РОССИИ
Тираж отпечатан в типографии Санкт-Петербургского Государственного университета

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена.
Любое использование материалов данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems
or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape,
mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission
in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-118-8

© «Петербургское Востоковедение», 1998

© И. В. Кульганек, составление, 1998

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 1998

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
А. Д. Цендина	Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсурэна 7
Л. К. Герасимович	Художественное творчество Ц. Дамдинсурэна 11

Источниковедение и историография

В. Л. Успенский	Три рукописных тома монгольского «Данджура» из библиотеки Санкт-Петербургского университета 17
З. К. Касьяненко	Некоторые исторические сведения в колофонах «Ганджура» 20
И. В. Кульганек	Рукописи и фонограмзаписи монголо-ойратского героического эпоса «Джангар» в архивах Санкт-Петербурга 23
С. В. Дмитриев	Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан 25
А. Д. Цендина	Хасар и Чингис в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджи 30

Из рукописного наследия. Текстология

<u>Д. Ендон</u> , А. Г. Сазыкин	Монгольская версия рассказов о пользе «Алмазной сутры» 36
Е. А. Хамаганова	Сборник «Драгоценные четки» и его место в средневековой тибетской литературе. 48
Н. С. Яхонтова	Анонимный сборник поучений 53

Литературоведение и фольклористика

Л. Л. Викторова	К вопросу о сяньбийских и киданьских фольклорных сюжетах, сохранившихся у монголов 69
Л. Г. Скородумова	О некоторых модернистских тенденциях в современной монгольской литературе 76
М. П. Петрова	Поэтическое творчество Ч. Мягмарсурэна 80
И. В. Кульганек	Стихи Марины Цветаевой на монгольском языке 85

Из архивов востоковедов

К. В. Орлова	Научный архив Калмыцкого Института общественных наук РАН 93
А. З. Хамарханов	Письма Н. Н. Поппе Т. А. Бертагаеву 103
И. В. Кульганек, Д. Д. Васильев	С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано 106

И. В. Кульганек, Д. Д. Васильев
С. А. Кондратьев — Ц. Жамцарано*

Сергей Александрович Кондратьев¹ — один из первых советских музыковедов, попавших в Монголию в 20-е гг. XX в. в составе экспедиции известного путешественника П. К. Козлова, работавший с монгольскими сказителями и музыкантами, собравший несколько сот записей песен и эпоса на фонографе. Ему принадлежит ряд интереснейших наблюдений и открытий, касающихся мелодики и ритмики монгольской музыки.

Но судьба С. А. Кондратьева сложилась так, что его монография о монгольской музыке была издана только после его смерти.

Сохранившиеся дневники дают картину культурно-исторической обстановки Монголии того периода, они представляют также интерес для истории науки, т. к. показывают этапы собирательской деятельности С. А. Кондратьева.

Интересно складывались отношения С. А. Кондратьева с Цыбеном Жамцарано² — видным и авторитетнейшим монголистом XX в., одним из руководителей Ученого комитета Монголии в 20-е гг., сыгравшим большую роль как во всей монголоведной науке, так и в личной жизни С. А. Кондратьева. Именно по его просьбе С. А. Кондратьев, закончив в 1925 г. работу в экспедиции П. К. Козлова, решил остаться в Монголии и, проведя отпуск в СССР, вернулся в Монголию уже как член Ученого комитета. Вот как произошла их первая встреча: «У дома Бадмажаповых³ нас встретили Петр Кузьмич и Елизавета Владимировна⁴. Караван поехал на следующий двор, а воз с пианино остановили, разгрузили и с большим трудом втащили на крыльцо, а оттуда — в сени дома. Здесь я впервые познакомился с Цогто Гармаевичем Бадмажаповым, одним из любимейших спутников Петра Кузьмича. Статный, поджарый, но крепкий, с очень привлекательным лицом, на которое монгольская раса не наложила особенно заметного отпечатка. Пианино оставили отогреваться в крохотных сенях, и я поспешил к каравану, разгрузку которого уже начали в соседнем дворе. Из разговоров с Бадмажаповым выяснилось, что со мной жаждет познакомиться министр народного просвещения Жамцаранов, весьма интересующийся записью монгольских напевов. Это чистая находка для меня. В Урге мы пробудем, вероятно, около месяца, и я надеюсь успешно поработать за это время».

Действительно, Кондратьев и Жамцарано за этот месяц не только познакомились, у них сначала появляется взаимный интерес, а затем завязывается дружба на почве обоюдного увлечения монгольским музыкальным фольклором. Жамцарано всячески помогает Кондратьеву организовывать встречи с монгольскими певцами и музыкантами-исполнителями. Эти контакты нашли отражение в дневниках Кондратьева.

10.X.23 г.

Изложу обильные впечатления о вчерашнем дне. С утра мы с Николаем Васильевичем⁵ отправились к Жамцарано. Дома его не застали и пошли в яман⁶, куда он ушел. Главная комната ямана сильно напоминает учительскую в благоустроенной гимназии. Несколько банальных европейских столов, широкие шкафы с книгами, на стене учебные карты полушарий. Однако и монгольское есть: вдоль всей комнаты около окон тянется помост вершков восемь высотой. Он устлан материей. На нем столики, довольно низ-

С. А. Кондратьев с женой М. И. Клягиной-Кондратьевой
в Монголии
(из личного архива И. И. Ломакиной)

* По архивным материалам С. А. Кондратьева — участника экспедиции П. К. Козлова в Монголию в 1923—1926 гг.

кис, вершков 6 высотой. Перед столиками коврики, на которых нужно сидеть, поджав ноги по-восточному. Жамцарано представил нас начальнику ямана (нечто вроде министра), старому монголу с умным и хитрым лицом. Здравовался он с нами изысканно любезно, беря наши руки в обе свои и сильно и умильно тряс их. При прощании мы так восхищены были друг другом, так усердно кланялись, что стукнулись головами. Почтенный министр сидел за столиком, выцарапывал острой палочкой какие-то знаки на чем-то вроде цифирной доски и по временам доставал из-под стола медный тазик, отхаркивал в него и сморкался туда же, зажимая одну ноздрю пальцем. Николай Васильевич занимался с Лисовским, местным ботаником, рассматриванием гербария, а я стал беседовать с Жамцарано (он как бы товарищ министра) о моих предполагаемых музыкальных исследованиях. Оказывается, монгольское правительство уже давно настойчиво хочет собрать и зафиксировать монгольские мелодии и для этой цели даже пыталось пригласить из России образованных музыкантов, но никто не вызвался приехать. Таким образом, я прибыл к ним как *Deus ex machina*. Поэтому перспективы моей музыкальной работы блестящие. Судя по намерениям Жамцарано, перед моими ушами пройдут певцы из всевозможных мест Монголии, а может быть и из Тибета. Меня познакомят также со всеми местными музыкальными инструментами. Для привлечения певцов монгольское правительство ассигнует некоторую сумму денег. Закончив разговор о способах моей работы, я, по поручению Петра Кузьмича, стал расспрашивать Жамцарано о местных палеонтологических находках и о дальнейших раскопках в интересных местах силами экспедиции. Жамцарано показал мне имеющийся у них палеонтологический материал — шейные и поясничные позвонки и бедра, но не выказал особого интереса к этой теме. «Кости подождут, — сказал он, — ударной мы считаем Вашу работу». Потом Жамцарано ушел, а я, поджидая Николая Васильевича, принялся записывать в соседней комнате музыкальное декламационное чтение монгольского писца, произносившего по рукописи текст какой-то переводной сказки с индусского, причем другой писец сличал копию. Оказывается, как объяснил Жамцарано, почти всегда монголы читают нараспев. Вот как звучало предложение в чтении этого писца:

Конечно, каждое новое предложение варьируется. Иногда, например, \bar{c} вначале звучит несколько раз, иногда предложение оканчивается на \bar{g} без портамента и короткого \bar{d} . Меняет свое положение проходящее \bar{a} . Но в общем звукоряд

остается совершенно неизменным. При помощи подвернувшегося переводчика я спросил писца, не может ли он читать на другой напев, тот ответил, что он может читать только так. Жамцарано сказал мне, что другие чтецы пользуются другими музыкальными схемами. Он опять пришел в яман и просил прийти меня в 5 час. для знакомства с одним местным певцом. По дороге домой зашел к Бадмажапову взгля-

нуть, как приглашенный настройщик чинит пианино. В назначенное время пришел Жамцарано. В ожидании певца беседовали на разные темы вплоть до буддийской мистики. Жамцарано очень интересный и умный человек. Он критически отзывался о военном характере экспедиции Пржевальского и Козлова, хвалил Потанина и говорил о том, что человеку, любовно относящемуся к азиатским народам, не страшны разбойники и открыт путь куда угодно, вплоть до Лхасы. Очень радовался, что в первый раз в экспедиции участвует музыкант. Пили чай. Певец надул, не пришел. Зато пришла жена Жамцарано, бурятка, окончившая Читинскую гимназию⁷. Вместе с ней, по-видимому, подруга. Мне уже ранее говорили, что жена Жамцарано хорошо поет монгольские песни. Но в моей просьбе по этому поводу сначала, поддерживаемая мужем, отказала. Однако я в конце концов настоял. И вот она, то одна, то вместе с подругой, принялась петь, сначала робко, застенчиво, по-европейски, потом, увлекаясь, резкими сильными горловыми нотами. К общему удовольствию (Жамцарано по предшествующему своему опыту думал, что я одной песней буду мучить певца несколько вечеров) я записал примерно за час времени 3 монгольских частушечных напева и одну бурятскую героическую песнь. Поужинав, Жамцарано повез меня в местный театр (Народный дом), где на монгольском языке здешние актеры разыгрывали переводную индусскую пьесу в характере буддийской идеологии.

Царевич, сын раджи, раздает все свое имущество, затем отдает своего последнего белого слона и со своей женой и двумя детьми уходит в горы. Там ему предстоит последнее искушение — расстаться с женой и детьми, что он и выполняет. В дальнейшем (в последующий вечер представления) он опять сходит на Землю, и воцаряется золотой век. В антракте играет европейский духовой оркестр. Дирижирует им псаломщик, причем ту невероятную пошлость и безграмотный сумбур, который играют несчастные музыканты-монголы, сочиняет сам дирижер. Сочинения же эти представляют собой монгольские напевы в наборе из фальшивых аккордов I, IV, V ступени. Познакомившись с дирижером, я так и сказал ему, что мне это не нравится. Там же, за кулисами, осмотрел народные монгольские инструменты, которые сопровождают пение, часто внедрявшееся в пьесу. Мне дали как гостю почетный билет в первом ряду. Актеры все — мужчины. Декорации — в дешевом европейском стиле. Грим — схематичен. Молодые лица, развесистые бороды. Уголь. Одна маска — брахман. Замечательный белый слон с красной ленточкой на конце хобота. Безучастность к пьесе всех действующих лиц во время любого монолога. Кусок оранжевой ткани — мясо, отрезанное от собственной ляжки царевича. Дух Ормузда⁸ — упитанный малый в пышном костюме с синими очками на глазах. Дух Земли — скачки. Белый балахон, гигантская растрепанная черная шевелюра, борода и усы. Царевич забывает роль, из-за кулис спокойно выходит монгол, дает ему шпаргалку. Царевич вдумчиво читает ее, потом продолжает говорить как ни в чем не бывало. Ручка от инструмента, торчащая из-за кулис. Музыкант, который выходит на задний план сцены, сплевывает на пол и спокойно уходит обратно во время трагического монолога царевича. Талантливых актеров не было. Не дожидаясь конца, мы ушли, поздно было. Жамцарано отвез меня домой. В городе темно, постоянно окликают патрули, и все время лают и воют собаки, у которых просыпаются кровавые инстинкты. Ходить по улицам в темноте опасно.

12.X.23 г.

Вырабатывал подробную программу музыкально-этнографических исследований на основании инструкции, данной мне Ж[амцара]ном [с учетом] местных условий и здравого смысла.

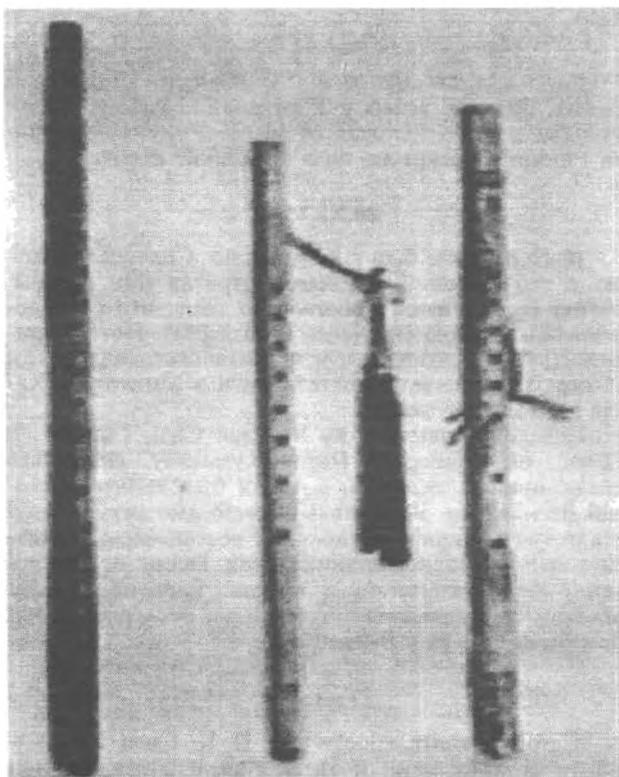
Изучал дальномер военного образца, который ламы везли в Тибет. Вечером был Жамцарано. Было очень интересно. Кроме знакомых уже лиц были: комендант города (композитор), молодой монгольский князь с красивым эмалевым лицом, еще два монгола, говорящие по-русски, и две бурятки. Играли на шандзе⁹, флейте, пели частушки. Комендант спел шесть песен (монгольских). Говорили с Жамцарано о монгольском театре и мистериях.

13.X.23 г.

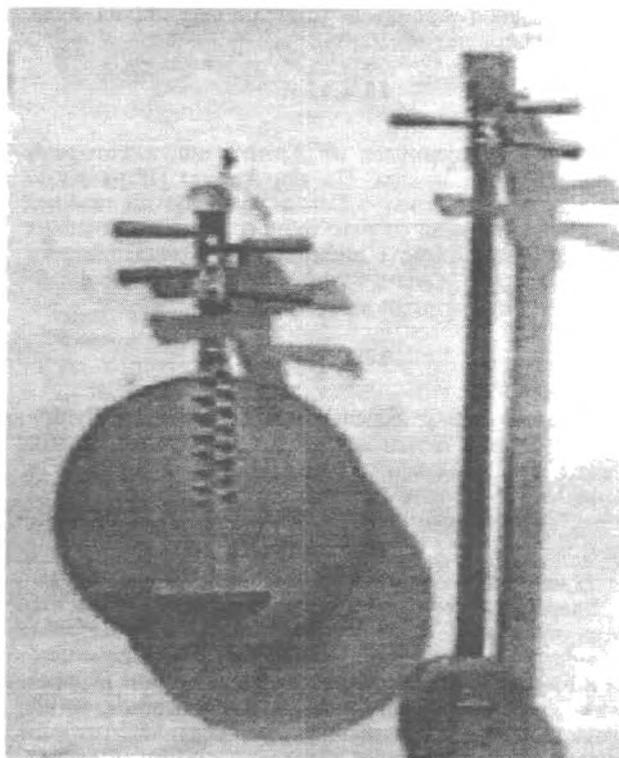
Вчера днем обрабатывал музыкальный материал. Начал вести музыкальный журнал. Читал вслух Гумилева. В 4 часа пришел Жамцарано. Его жена и Долгор пели. Жамцарано записывал тексты. Записал № 7 и 8. Беседовали очень интересно с Жамцарано. Я прочел ему Балладу¹⁰. Он сказал, что это очень глубокое произведение и что оно будет понято в Азии. «Баллада, если Вы прочтете ее образованному ламе, будет для Вас как бы паспортом». Мы много говорили еще о кризисе материализма. Жамцарано очень начитан в европейской литературе. Знает Бергсона, Бердяева.

23 часа

Разговаривали еще относительно мистерий и о различных нуждах нашего маршрута применительно к возможности встретить интересных людей. Потом поехали с Жамцарано в театр на комедию. Плохой любительский русский фарс. Плохие актеры. Интересно: шекспировский характер техники: герой, например, воображает стену. Движение рук, как бы открывающее дверь. Коллективность творчества. Один

Флейты

Шандза

актер играет несколько ролей. Отыграв, среди действия проходят в публику. Сюжет пьесы злободневно-политический. Это уже надосло.

У Жамцарано спел свою монгольскую песенку, написанную в этот же день. После этого жена Жамцарано и ее подруга напели мне частушку, напоминающую мою песенку. Этой частушки я не знал. Мне это было очень приятно. Значит, схватил характер музыки.

Сегодня днем был на базаре. Купил себе пимы, перчатки, а для экспедиции — флейты и лаатчит. Встретил на базаре Котика. На обратном пути зашли в лавочку и послали пальцами. Вечером опять был у Жамцарано. Кроме коменданта, князя с его вассалами, Жамцарано, были еще китаизированный монгол из Пекина и еще южные монгол с монголкой. Записал песни № 9, 10, 11, кроме того, одну эпическую песнь. Я же начал записывать с голоса. Это трудно. Все исследователи, включая Руднева¹¹, отказались от этой задачи. Тем более нужно мне продолжить это. Играли на хуре¹², хучире¹³ и флейте¹⁴. Хур очень красивый во всех отношениях инструмент. Если вернуться из экспедиции, то мне почти обеспечено место в Урге (по музыке и астрономии). На базаре записал молитвы нищенствующих монахов.

14.X.23 г.

Сегодня с 11 до 21 провел у Жамцарано. Записал 10 мелодий: № 11—20 журнала фонографом. Кроме того, записал 8 напевов. Сегодня пели один халхасец, разбитной ургинец-юноша и два монгола из южных (хорочинцы). Приходил к Жамцарано с визитом кобдоский генерал-губернатор. Как они обменивались с Жамцарано голубыми хадаками! Как губернатор угощал меня нюхательным табаком из нефритовой табакерки! Как мы за чаем угощали друг друга! И как прощались! Он дал мне свою визитную карточку. Сохраню ее. Работал сегодня плодотворно, но под конец утомился. Голова заболела. Кроме за-

писей напевов произвел тщательный анализ хура. Совсем теперь нет времени...

15.X.23 г.

23 ч. 30 мин.

Только что вернулся от Жамцарано, к которому пришел в 5 час. вечера. По поручению Петра Кузьмича беседовал с ним о Богдо-Ула¹⁵. Затем пришел комендант. Записал от него фонографом 6 эпических песен (12 пластинок, 6 дисков). Записывал с голоса песню о ястребе. Очень трудно. Еще записал с флейты мотив, сочиненный комендантом.

17.X.23 г.

15 час.

Вечером был у Жамцарано. Был только Дугаржаб¹⁶. Записал фонографом и на бумагу мелодию флейты его собственного сочинения и эпические песни № 7 и 8а. Затем длительно учил «Ястреба».

18.X.23 г.

22 час.

Вчера вечером был у Жамцарано. Был князь. Записал от него № 22, 23. Кроме того, он пел «Ястреба» (по-моему, не лучше, чем я). Сегодня днем переписывал и приводил в порядок нотные черновики. Вечером был у Жамцарано. Был Дугаржаб и две певицы, из которых княгиня Боротолгой (arbitet elegantia Урги) замечательно музыкальна и обладает хорошим голосом.

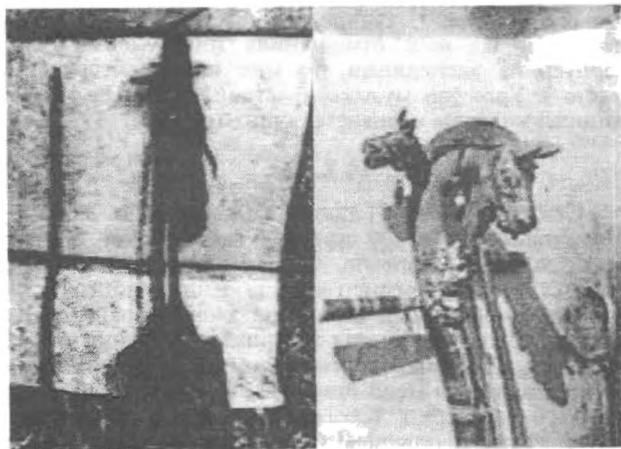
19.X.23 г.

23 час.

В 4 часа с Еленой Петровной¹⁷ пошли к Жамцарано. Там показывал луну и другие небесные тела и земные объекты в 4,5-д[юймовую] трубу. Потом занимался музыкой. Записал № 27—29 от Дугаржаба. Была еще княгиня вчерашняя. Напела Кангрему в фонограф. Вышло очень хорошо.

20.X.23 г.

Вечером был у Жамцарано. Сначала смотрели в рефрактор на луну и кровавые облака. Затем по обыкновению пели. Был министр внутренних дел. Его придворный музыкант прекрасно играл на хуре. Пробовал безуспешно записать его фонографом. Записал «Кангрему» в исполнении Дугаржаба, на чем фонограф опять сломался. Министр и его музыкант были неподдельно радостно изумлены, услышав, как я пел «Ястреба» и частушки. Затем долго беседовал с

Морин хур (слева), морин хур, фрагмент грифа (справа)

Дугаржабом. Это — музыкант божьей милостью. Чуток, талантлив и болен музыкой. Я пел ему свои романсы, Вагнера и др.

24.X.23 г.

14 часов

Ездил впервые на верблюде (наладил седло). Высоко и довольно удобно. Днем пришла бумага из Представительства. Отъезд откладывается. Вечером пошел к Жамцарано. Там много играл в шахматы.

25.X.23 г.

Теплый день... тихий... Николай Васильевич снял нас (с П. К.) около юрты, потом меня с Симуковым¹⁸ в вооружении на верблюдах. Затем мы с Николаем Васильевичем отправились к Жамцарано. Николай Васильевич снял Дугаржаба с хуром, с ятагой, меня с Дугаржабом, старика, поющего эпические песни. Ятага¹⁹ — монгольский древний инструмент (см. журнал). Засиделись до 9 вечера 30 мин. Много пели. Записал № 32—34. Эпические песни записывались сегодня очень легко. Должно быть, вошел в них.

27.X.23 г.

Вечером был у Жамцарано. Говорил он мне о мистических буддийских ритуалах (пения толпы в ночном храме), в природе (восхвалении мужского и женского начал в каждом человеке). Был Дугаржаб и монгол Цамба. От него записал в черновом виде 3 эпические песни...

8.XI.23 г.

10 час.

Вчера долго катались верхом с Котиком²⁰. Привезли от Жамцарано хур. Был у Жамцарано вечером. Провел там время вдвоем с Дугаржабом.

9.XI.23 г.

Дипломатический визит к Юдину. Шахматная партия. День и вечер у Жамцарано. Работа, предстоящая в Урге. Записал от m-те Ринчино № 48—56. Ринчино прекрасно пела корейские песни.

20.XI.23 г.

18-го вечером был у Жамцарано. Сначала беседовал с его женой. Ее сильно потрясла моя музыка. Может быть, это способствовало тому, что она сказала мне свою скорбную биографию. Потом пришел Цыбен Жамцарано, и я долго беседовал с ним об его замечательной деятельности в Монголии. Какая воля. Какая любовь.

Сегодня утром в Ургу приехал Свен Гедин²¹. В 12 час. он пришел к Петру Кузьмичу. Несколько позже пришел туда и я, а потом был вызван Николай Васильевич. Умилительно было смотреть на двух азиатских могикиан, дружески и весело барахтавшихся в лавине воспоминаний. Свен Гедин необыкновенно бодр, элегантен и красив. Едет на Родину, объехав предварительно чуть ли не весь свет. Вечером были с Н. В. у Байковых²².

21.XI.23 г.

Сегодня опять приезжал к П. К. Свен Гедин. К обеду позвали меня и Н. В. Как и вчера, старики плавали во взаимных уверениях и воспоминаниях.

По-русски говорит свободно, но очень неправильно: «Войноуют между себе». После обеда пошли к нам. Фотограф-китаец снял обоих путешественников отдельно и затем вместе со всеми нами. Зашли к нам в юрту. Здесь Н. В. и Ел. П. попросили дать Свена Гедина автограф. Вечером были у Жамцарано. Записал от Буян-Ульдзуй № 57—63.

24.XI.23 г.

Третьего дня был у Жамцарано. Записал от Буян-Ульдзуй № 64—66.

26.XI.23 г.

Вчера целый день прозанимался у Жамцарано. Обработывал напевы.

28.XI.23 г.

Вечером пошел к Жамцарано. Там записал кобдоские мелодии № 68—70. Беседовал с Жамцарано об экспедиции и потом о различных оккультных достижениях, практикующихся в Средней Азии.

4.XII.23 г.

Единственно ценные часы за все время были у Жамцарано, где я провел целиком пятницу и ночевал, а также вечер воскресенья. № 71—78. За этой работой я отдыхаю.

8.XII.23 г.

Истекшие 4 дня провел главным образом в непрерывном старании продать верблюдов и привести в порядок отчетность. В свободные часы записывал у Жамцарано, ночевал там. Дома был мало. Число напевов дотянул до 100.

10.XII.23 г.

Вчера и сегодня главным образом проводил время в заботах о продаже верблюдов. Вечером был у Жамцарано. От Дугаржаба записал № 95, 96. На-

строение в экспедиции по-прежнему беспокойно выжидательное.

20.II.24 г.

У Жамцарано больше не работал. Ему нужно дать отдых. За все это время сделал лишь несколько случайных записей, общее число которых к настоящему моменту достигло 150. Предварительный отчет о моей работе послал в Географическое общество. Из него же отрывки 3 раза печатались в «Заре» (ургинской). С 2-го по 10-е февраля был в экспедиции на Толе в верстах 40 к востоку от Урги. Поехали туда поохотиться на волков и рысь, а вместо этого открыли памятник VII—IX вв. (каменная статуя) и плиту саркофага, торчащие из земли. Кроме того, привезли серию мелких цоу²³ и бурханов, взятых мною в гранитной пещере в долине Убур-Горихо... Играли два вечера в шахматы с консулом. Это самый приятный и самый симпатичный из всех знакомых мне игроков в Урге. Он сдержан и страстен. Вообще в консульстве все время стараются проводить весело. Сам Васильев постоянно ездит охотиться. Потом, каждую неделю у него собирается молодежь попить, поесть и поговорить. Сам консул умен, ленив, толст и вышколен. Голос зычный, манеры открытые. Вообще замечательная фигура. Еще новая фигура — Нина Павловна Шастина²⁴ — милая барышня, пишущая статьи.

20. II. 24 г.

22 ч.

Выехали из Урги. Сильный ветер. Дорогу замело...

* * *

Тогда молодой собиратель монгольского музыкального фольклора не представлял, сколь трудно окажется его работа и жизнь в археологическом отряде на Ноин-Улинском кургане в местечке Судзуктэ, которым ему придется руководить. Материалы же их раскопок получают мировую известность и будут храниться в одном из залов Отдела Востока в Эрмитаже.

Примечания

1. Кондратьев Сергей Александрович (1896—1970). О нем см.: *Мурзаев Э. М.* Рассказы об ученых и путешественниках. М. 1979; *Козлов П. К.* Путешествия в Монголию (1923—1926): Дневники / Подгот. к печ. Е. В. Козлова. М. 1949; *Васильев Д. Д., Кульганек И. В.* Новое в оценке научного наследия и творческой личности С. А. Кондратьева // VI Международный конгресс монголоведов, Улан-Батор, август 1992 г.: Доклады российской делегации. Ч. 2. Филология. Культура. Религия. М., 1992.
2. Жамцарано (Жамцаранов) Цыбен Жамцаранович (1880—1940). О нем см.: Цыбен Жамцарано. Жизнь и деятельность // Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 110-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халкамонгольского народов Цыбена Жамцарановича Жамцарано. Улан-Удэ, 1991.
3. Бадмажапов Цогто Гармаевич (1879—1937), верный спутник П. К. Козлова в экспедициях по Монголии и Тибету, служащий Министерства юстиции, Минздрава, Монценкопа. В 1931 г. был выслан в СССР, последние годы проживал в Архангельске.
4. Козлова (Пушкарева) Елизавета Владимировна, орнитолог, сотрудница зоологического института АН СССР в Ленинграде, вторая жена П. К. Козлова, участница нескольких его экспедиций.
5. Павлов Николай Васильевич (1893—1971), участник последней экспедиции П. К. Козлова, ботаник, географ, флорист, академик АН КазССР. См.: Ботаническая география СССР. М., 1948.
6. Я м а н — присутственное место, здесь: министерство.
7. Речь идет о Балмажаб Цереновне Сакидовой, которая стала второй женой Ц. Жамцарано в 1926 г. Учительница. После отъезда Ц. Жамцарано в СССР в 1932 г. осталась в Монголии.
8. Хор м у с т а, или Хормуста-тенгри — в мифах монгольских народов верховное небесное божество. Восходит к согдийскому Хурмазта. Глава 33 или 99 тенгриев — владык различных миров, пребывающих на вершине Сумери (мировой горы), ведущих постоянную борьбу с асурами (демонами).
9. Ш а н д з а (монг. шанза) — монгольский струнный шипковый инструмент. Все фотографии монгольских музыкальных инструментов, выполненные С. А. Кондратьевым во время его пребывания в Монголии, любезно представлены Инессой Ивановной Ломакиной — петербургской журналисткой, членом Союза журналистов, автором нескольких книг по истории и культуре Монголии. Авторы статьи выражают ей свою искреннюю благодарность.
10. Имется в виду «Баллада о Страннике, Мудреце и Поэте». См.: *Кондратьев С.* Весна в Кентэе / Вступ. ст. и

- публ. А. Л. Никитина // [Сер.] Семейный портрет. XX век. М., 1996.
11. Руднев Андрей Дмитриевич, монголовед, филолог, музыкант и музыковед. До 1918 г. преподаватель Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.
 12. Х у р (монг. хуур) — название группы струнных смычковых инструментов, наибольшей популярностью из которых пользуется морин хур (монг. морин хуур), инструмент с трапециевидной декой, длинным грифом, украшенным, как правило, резной головой коня.
 13. Х у ч и р — двухструнный смычковый инструмент, обладающий высоким тембром.
 14. Ф л е й т а — так, очевидно, назван бишгур, монгольский язычковый инструмент типа гобоя.
 15. Б о г д о - У л а (монг. Богдо уул) — гора на южной стороне Улан-Батора.
 16. Магсар Хурцын Дугаржав (1893—1944), монгольский общественный деятель, музыкант, композитор, знаменитый певец-бас. Автор знаменитой песни «Улан туг» («Красное знамя»). Артист Монгольского государственного театра с 1933 г.
 17. Имеется в виду Горбунова Елена Петровна, участница экспедиции П. К. Козлова.
 18. Симукон Андрей Дмитриевич, этнограф. Участник монгольской экспедиции П. К. Козлова, географ, с 1927 г. — заведующий отделом географии Ученого комитета МНР, автор научных статей по хозяйству, этнографии, географии Монголии и монографии «Атлас МНР», оставшейся неопубликованной. Арестован в 1937 г. О нем см.: Решетов А. М. Андрей Дмитриевич Симукон: основные этапы жизни и направления научной деятельности // VI Международный конгресс монголоведов, Улан-Батор, август 1992 г.: Доклады российской делегации. Ч. 2. Филология. Культура. Религия. М., 1992.
 19. Я т а г а — (монг. ятга) — монгольский музыкальный инструмент китайского происхождения, из рода арф.
 20. Имеется в виду Даниленко К. К. — самый молодой участник экспедиции П. К. Козлова.
 21. Гедин Свен Андерс (Hedin) (1865—1952), шведский ученый, путешественник, исследователь Центральной Азии (Тибет, Синь цзян, Монголия, Восточный Туркестан), открыл Гандисышань.
 22. Байков — врач экспедиции П. К. Козлова, вскоре отозванный.
 23. Ц о у — чашечка для жертвоприношения, которую ставили на жертвенный столик перед изображениями бурханов.
 24. Шастина Нина Павловна (1898—1864) — советский ученый, монголовед, филолог, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР с 1946 г. Издано более 70 работ, в том числе монография «Шара Туджи — монгольская летопись XVII века». М.; Л., 1957.